

УДК 94
ББК 63.3(0)61

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОНЦЕССИЯ ГЕРМАНСКОЙ ФИРМЫ «ФРИДРИХ КРУПП» В СССР (1922–1928 гг.)

И.С. Блинов

Аннотация. В статье рассматривается опыт концессионного сотрудничества германской фирмы «Фридрих Крупп» с СССР в 1922–1928 гг. Показано, что в условиях общегерманского кризиса 1920-х годов организация сельскохозяйственной концессии Круппа в Советской России стала во многом вынужденным политическим шагом. Делается вывод, что советское правительство, мотивированное политическим значением договора с крупной фирмой Германии, не смогло обеспечить адекватных условий для взаимовыгодного сотрудничества, вследствие чего фирма понесла значительные убытки.

Ключевые слова: фирма Крупп, сельскохозяйственная концессия, промышленники Германии, концессионная политика, Веймарская республика, Рапалльский договор.

AGRICULTURAL CONCESSION OF THE GERMAN COMPANY “FRIEDRICH KRUPP” IN THE USSR (1922–1928)

292

I.S. Blinov

Abstract. The article considers the experience of the concession cooperation of the German company “Friedrich Krupp” with the USSR in 1922–1928. It is shown that in the conditions of the general German crisis of the 1920s, the organization of the Krupp agricultural concession in Soviet Russia was largely a forced political step. It is concluded that the Soviet government, motivated by the political significance of the agreement with a large German company, could not provide adequate conditions for mutually beneficial cooperation, as a result of which the company suffered significant losses.

Keywords: Krupp Company, agricultural concession, German industrialists, concession policy, Weimar Republic, treaty of Rapallo.

© Блинов И.С., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Волна общегерманских экономических и политических проблем, последовавшая за подписанием Версальского договора, не могла не затронуть крупнейшие промышленные производства страны. Для концерна «Фридрих Крупп» начало 1920-х гг. ознаменовалось появлением целого комплекса острых вопросов, связанных, во многом, с принудительной конверсией военного производства [1, с. 320]. Переход фирмы на выпуск гражданской продукции (в том числе сельскохозяйственной техники) определил новый вектор ее развития на ближайшие годы. Поиск рынка сбыта продукции заводов Круппа и политические интенции Германии совпали с активной деятельностью РСФСР по привлечению иностранного капитала. 30 декабря 1921 г. со стороны акционерного общества «Фридрих Крупп» поступает первое предложение о создании на территории РСФСР сельскохозяйственной концессии. Сотрудничество с «крупнейшим капиталистом Германии» [2, л. 129] могло принести советскому правительству большие политические бонусы на предстоящей Генуэзской конференции, поэтому В.И. Ленин потребовал *срочно* дать согласие на предложение Круппа, обозначив важность этого сотрудничества, прежде всего в политическом смысле [3, с. 135].

В неизменно актуальном проблемном поле германо-советских отношений межвоенного периода особое место занимают проблемы сотрудничества крупных промышленников Германии с советским правительством. Одним из проявлений такого сотрудничества было заключение концессионных договоров в 1920–

1930-х гг. Руководитель крупнейшего германского концерна «Фридрих Крупп» Густав Крупп фон Болен стал пионером в деле подписания концессионных договоров с советским государством, организовав в 1923 г. на территории СССР сельскохозяйственную концессию. Между тем, в отечественной историографии тема концессии Круппа частично затрагивается только в рамках исследований концессионной политики СССР 1920–1930-х гг. Можно выделить несколько специальных работ по данной теме, которые, однако, фокусируются лишь на экономическом аспекте проблемы, оставляя без внимания целый спектр вопросов [4–7]. В зарубежной историографии рассматриваемая тема затрагивается в основном в политическом контексте сотрудничества Германии и СССР в период Рапалльского соглашения [8–10].

Заметим также, что некоторым западным исследователям свойственно подвергать сельскохозяйственную концессию Круппа скептической и даже ироничной оценке. Принимая во внимание личность руководителя фирмы Густава Круппа фон Болен, они обозначают его «сельскохозяйственную авантюру» в России как одну из самых странных и эксцентричных идей [11, р. 328] в истории предприятия. К тому же, утверждается, что сам Густав Крупп был последним человеком, который мог бы превратить русскую степь в хлебные поля [12, р. 93].

Столь радикальные заявления некоторых исследователей, неподкрепленные серьезной аргументацией и лакуны в исследованиях отечественных авторов, заставляют вновь обратиться к теме, сосредоточив осо-

бое внимание на следующих проблемных вопросах: была ли концессионная кампания Круппа изначально обречена на неудачный исход; какова была истинная мотивация германского промышленника; какие практические факторы повлияли на ликвидацию концессии? Таким образом, данная статья представляет собой попытку дополнительного анализа концессионного опыта германской фирмы «Фридрих Крупп» на территории СССР в 1922–1928 гг.

Если для советской стороны, предстоящее сотрудничество с именитой германской фирмой должно было принести очевидный ряд преимуществ, прежде всего политических¹, то мотивация Круппа кажется не столь очевидной и требует дополнительного анализа.

Экономический расчет Круппа заключался в следующем — необходимо было подготовить плацдарм для будущего сбыта сельскохозяйственной техники, которую в больших количествах стали производить бывшие оружейные цеха. Очевидный выбор пал на бедствующую Советскую Россию, которая, однако, не могла позволить себе простую закупку техники, но охотно соглашалась на организацию концессии. Предполагалось, что образцовое сельское хозяйство с использованием передовой германской техники в перспективе

должно было стимулировать другие районы СССР на закупку машин² производства Круппа [13, S. 412].

Однако экономические интересы Круппа этим не ограничивались. Восстановление довоенных позиций на военном рынке интересовали Круппа не меньше, чем продажа тракторов и сеялок. Но, очевидно, что военно-промышленное сотрудничество было осуществимо только в обход Версальского договора, поэтому было крайне важно отвлечь внимание мировой общественности от военно-промышленных амбиций фирмы в России [17, S. 82], например, с помощью сотрудничества на почве сельского хозяйства.

В связи с этим заметим, что сотрудничество Круппа с советским правительством также попадало в сферу интересов «русской политики» генерала фон Секта и рейхсканцлера Йозефа Вирта, «настоящих пионеров германо-советского сотрудничества» [18, с. 206]. Крупная немецкая концессия с налаженными каналами поставок товаров на территорию СССР могла стать хорошим прикрытием для тайной переброски военной техники [19, S. 52].

Также идеальная модель будущей концессии предполагала с помощью немецкого сельскохозяйственного ноу-хау сделать из молодого советского государства крупного экспортера зерна для Германии, что

¹ Элиас Гурвич на страницах «Die Weltbühne» утверждает, что для советского правительства было очевидно сомнительное экономическое значение концессии Круппа. Ссылаясь на данные «антибольшевистского «Русского экономиста», он отмечает, что в ближайшие годы никакой экономической выгоды концессия советскому государству принести не могла, так как цена на закупку зерна у Круппа была бы намного выше, чем в любом другом месте [13, S. 416].

² Вероятно, поэтому Крупп отправил в СССР большое количество разнообразной сельскохозяйственной техники. По данным инспекции Главконцесскома при СНК СССР, как минимум, одних только тракторов на территории концессии насчитывалось 8 типов [14, л. 222], отмечалось также «бесплановое снабжение концессии излишними машинами и инвентарем» [15, л. 296]. В этом смысле показательно красноречивое описание концессионной техники в очерке Б. Кушнера: «Машинный парк подобран очень лестро. Нет двух машин одинаковых — все разные, как будто их сюда не для работы доставили, а на выставку или на выкидку» [16, с. 3].

исключило бы ее зависимость от заокеанских колоний (которых она теперь лишалась) и Америки. Такой оптимистичный взгляд разделял широкий круг общественно-политической элиты Германии [20, с. 1]. В частности, заместитель председателя наблюдательного совета компании «Фридрих Крупп» К. Зорге в интервью берлинскому «Фоссише Цайтунг» заявил: «...когда собственная потребность России в зерне будет целиком покрыта, можно будет думать о том, что Россия — житница Европы — будет отдавать в будущем часть своих излишков Германии, так, как это было до войны» [21, S. 1].

Существующая пока только на бумаге концессия Круппа приобрела большое политическое значение, попав в оптимистичный поток «духа Рапалло», и была позитивно воспринята в контексте оценки русско-германского договора в различных политических кругах Германии от «КПГ до ДФП» [18, с. 205].

Ко всему, концессия помогла бы решить вопросы имиджа фирмы, так как позиционировалась в качестве помощи германской промышленной мысли в деле борьбы Советской России с голодом, о чем прямым текстом заявлял и Курт Зорге [21, S. 1], и член совета директоров Отто Видфельд, обозначив, что концессия «станет визитной карточкой Круппа» [4, с. 88].

Таким образом, так называемая «авантюра» Круппа была всецело оправданным и расчетливым шагом. Оценив рыночную конъюнктуру и экономико-политический контекст сближения Германии и России, Крупп попытался извлечь из сотрудничества с русскими максимально

возможную выгоду для своего предприятия, находящегося в тяжелых условиях.

Однако к весне 1922 года катастрофический рост инфляции и падение марки заставили Круппа отказаться от вложения капитала в такое рискованное предприятие. Внезапный отказ Круппа вызвал настоящее негодование в кругах советского правительства. Были придуманы жесткие способы воздействия на Круппа: от занесения фирмы в черные списки и прекращения всех торговых отношений до третейского суда [7, с. 99].

Принять отказ Круппа было невозможно, советская сторона понимала, что контракт с Круппом — гарант того, что его примеру последуют и другие крупные фирмы. Действительно, к концу 1922 года «эйфория Рапалло» практически испарилась, многие промышленники Германии стали опасаться вкладывать крупные средства в советскую экономику [19, S. 65]. Убийство Ратенау, болезнь Ленина, низвержение марки, угроза оккупации Рура делали и без того нестабильную политическую атмосферу более напряженной. В таком двойственном положении необходим был решительный шаг одного, чтобы за ним последовали другие [9, S. 281].

Определенное давление на Круппа оказывали и в Германии, в частности, министр иностранных дел В. Ратенау [11, р. 328] и рейхсканцлер Й. Вирг [10, S. 34]. Некоторые промышленники также не оценили решение Круппа. Так, один из директоров концерна «АЭГ» (*Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft*) Феликс Дейч обозначил, что Крупп таким образом дискредитирует всю германскую промышленность [5, с. 238].

Оказавшись под двухсторонним давлением, Крупп был вынужден дать свое согласие на организацию концессии. После затяжных переговоров и внесения некоторых поправок в первый договор, 17 февраля 1923 года директора К. Зорге и П. Красс со стороны АО «Фридрих Крупп» и полпред Н.Н. Крестинский совместно с торгпредом Б.С. Стомонаковым от РСФСР подписали концессионное соглашение [22, л. 21]. Но фирма по-прежнему не могла себе позволить большие вложения, поэтому было принято решение привлечь английский капитал. Так была запущена идеальная, по словам А. Иоффе, концессионная схема: «английский капитал, германский труд, русская земля» [23, с. 949].

Концессионный договор включал в себя множество пунктов, по которому концессионер был обязан вести рациональное сельское хозяйство на выделенной ему территории в 25 тыс. десятин. Среди прочих, стоит выделить два ключевых пункта договора: во-первых, концессионер был обязан вести *чисто зерновое хозяйство*, исключая занятие скотоводством. Во-вторых, в обязательном входило *активное использование механических средства труда* (тракторов, паровых плугов и т.д.), заменяющие человеческую и животную рабочую силу [22, л. 44].

В середине июня 1923 года из Гамбурга в порт Новороссийска вышел первый пароход с грузом, пред-

назначенным для концессии Круппа [24, л. 32]. Через год немецкие газеты с нескрываемой гордостью заявят, что «немецкая рациональная обработка земли окажет благоприятное воздействие на обработку крестьянских полей» [25, л. 66], но спустя еще четыре года они же будут с отчаянием восклицать: «сколько труда и денег были потрачены впустую!» [26]. Действительно, чистая концессия Круппа, потеряв к концу 1928 года 2,5 млн. рублей, была ликвидирована в связи с нерентабельностью [4, с. 88].

Убыточность предприятия определялась множеством факторов, анализ которых, позволит определить причины неудачного концессионного опыта Круппа в СССР.

Главным *petra scandali* между советским руководством и концессионером стал, в буквальном смысле, «земельный вопрос». Поспешность советского руководства, в частности, В.И. Ленина при подписании концессионного договора, привела к тому, что под концессию была отведена практически первая попавшаяся пустующая территория в степях Донской области³. При этом даже в официальных отчетах Главконцесскома от 1928 г. четко обозначено, что «условия хозяйства края и почва отведенного участка были совершенно неизвестны для концессионера, да и с нашей стороны предварительного обследования сдаваемого в концессию объекта не производилось»

³ Под концессию был отведен степной регион под Ростовом-на-Дону близ областного центра Сальск. Концессия получила название «Маныч» в честь протекающей здесь реки. Красноречивое описание местности Б. Кушнера хорошо иллюстрирует то, в каких условиях оказался германский концессионер: «Сам Маныч доживает уже последние стадии своей геологической дряхлости. По существу, это уже мертвая река. Оттого, что Маныч умирает, степь вокруг него становится постепенно совершенно безводной. Летом вся она превращается от зноя в него-степриимное серое, пыльное пространство...» [16, с. 14].

[27, с. 284]. Таким образом, концессионеру, обязующемуся по договору вести *чисто зерновое хозяйство*, отвели участок, о пригодности почвенно-климатических условий которого будут вестись длительные споры.

Неосведомленность концессионера о качестве предоставленного земельного участка, привела к тому, что моторно-тракторный парк, доставленный из Германии, оказался в большинстве своем непригоден для работы в предлагаемых условиях. Уже в первых отчетах о работе концессии от 1924 года отмечалось, что крупновское сельскохозяйственное оборудование по своим свойствам не подходило для обработки целинной земли: часто выходило из строя и требовало постоянного ремонта. По данным инспекции, более 50% тракторного парка постоянно находилось в ремонте, в полях фактически работало лишь 35% от имеющихся машин [14, л. 201].

Постоянный ремонт техники или обновление тракторного парка приводил к дополнительным расходам. Во избежание дополнительных финансовых вложений концессионеру приходилось саботировать оговоренное обязательство по стремлению к всесторонней *механизации труда*, привлекая для работ местных крестьян в качестве низкооплачиваемых работников, что всецело порицалось советской стороной, так как в этом случае концессия «не оправдывала свое существование и цель, ради которой она была *допущена* правительством» [15, л. 65].

Стоит также заметить, что уже с 1925 года концессионеру стало очевидно, что гораздо эффективнее использовать трактора *американского*

производства «Фордзон» [28, л. 158], что перечеркивало весь первоначальный замысел Круппа о сбыте сельскохозяйственной техники собственного производства.

После того как к лету 1926 года из-за неурожая и некоторых ошибок в ведении хозяйства концессионер потерял почти 1 миллион рублей [15, л. 117], в СССР прибыла делегация германских специалистов по сельскому хозяйству во главе с Т. фон Вильмовски, родственником Круппа фон Болена, главой наблюдательного совета по вопросам концессии. По большому счету, только в этот период был проведен полноценный анализ почвенно-климатических условий концессионного участка, после которого германские специалисты сделали вывод о том, что зерновое хозяйство возможно вести только на 8000 десятин из выделенных 25000. На оставшихся десятинах предлагалось вести меринское овцеводство, в связи с чем необходимы были поправки в существующих договор и смена специализации концессии [там же, л. 118].

После затяжной переписки с ГКК, длившейся почти весь 1926 год, и несмотря на активные возражения советской стороны о пригодности территории для зернового хозяйства [там же, л. 65], Т. фон Вильмовски удалось убедить советское правительство в том, что развитие овцеводства на предоставленном участке принесло бы большую прибыль.

Здесь же заметим, что одним из важных факторов неудачного исхода концессии можно считать нежелание советской стороны рассматривать и принимать инициативы, исходившие от концессионера. Так, например,

предложения о смене специализации концессии приходили в Главконцесском еще летом 1924 года [29, л. 130], однако тогда Главконцесском посчитал эту идею выгодной только немецкой стороне, советская сторона по концессионному договору участвовала лишь в доле с урожая, поэтому не увидела в этой идее никакого резона, вследствие чего концессионер получил отказ [там же, л. 133].

9 сентября 1927 года советское руководство заключило с Крупном новый договор, по которому 19000 десятин отводилось под разведение овец [30, л. 89]. Несмотря на то, что развитие животноводства показало свою прибыльность, разведение овец требовало значительных вложений новых капиталов. Как и многие крупные промышленники Германии, в условиях кризиса 1920-х годов компания Круппа пользовалась кредитами со стороны государства [10, S. 36], поэтому от дополнительных крупных вложений в абсолютно нерентабельную советскую концессию было решено отказаться. К концу 1928 года чистая концессия Круппа была ликвидирована, потеряв за 5 лет существования 2,5 млн. рублей [30, л. 45]. На смену чистой концессии пришло смешанное русско-германское товарищество «Маньч-Крупп», где сама фирма Круппа участвовала лишь в качестве инвестора, а вся ответственность за концессию возлагалась на советскую сторону [4, с. 105].

В качестве дополнительных факторов, повлиявших на работу концессии, можно выделить идеологическую составляющую раннего советского режима и несовершенство государственного бюрократического аппарата, вследствие чего решения по

многим важнейшим вопросам концессии требовали долгого утверждения от многочисленных инстанций [31, л. 19].

Пожалуй, факт того, что концессия, практически вдохнула жизнь в пустынный регион СССР, заложив основу для дальнейшего развития региона, стал единственным бесспорным преимуществом ее существования. Концессионеры оставили после себя большое количество построек различного назначения: школы, жилые дома, амбары, гаражи, бани, радио-электростанции и т.п. [32, л. 29].

Таким образом, можно говорить о том, что сельскохозяйственная концессия германской фирмы «Фридрих Крупп» в СССР под многофакторным воздействием политических и экономических реалий трансформировалась из выгодного «бизнес-проекта» в вынужденный политических шаг исключительно в интересах государства, оказавшись бременем для Круппа. Различное целеполагание сторон привело к большому количеству разногласий, вследствие чего ожидания, возложенные советским правительством на концессионера, не оправдались, а концессионер понес значительные убытки. К тому же опыт сельскохозяйственной концессии Круппа в СССР можно рассматривать как показательный пример тенденций в рамках советско-германских отношений в период 1920-х годов. Сиюминутное желание советского правительства извлечь всестороннюю выгоду из иностранного капитала, без предоставления необходимых комфортных условий для сотрудничества, сильно разнилось с перспективными экономическими планами промышленников Германии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шредер, Э., Вейхер З. Великие промышленники. Р.-н.Д.: Феникс, 1998. 320 с. URL: <http://militera.lib.ru/bio/schreder/index.html> (дата обращения 03.12.2018).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1568.
3. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М.: Издательство политической литературы, 1975. 864 с.
4. Загоруйко, М.М., В.В. Булатов. Наркомземовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 480 с.
5. Марьин, Д.А. Россия и Германия: опыт экономического сотрудничества (На примере фирмы «Фридрих Крупп») // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Волгоград, 2004. Вып. 6. С. 231–251.
6. Плехотнюк, Т.Н. Колонизационная сельскохозяйственная концессия акционерного общества Фридрих Крупп в России: о причинах и обстоятельствах создания // Международные отношения XX века в исторических судьбах стран Европы и Северной Америки. Межвузовский сборник статей. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2004. Вып. 1. С. 89–103.
7. Ерохина, О.В. Германские сельскохозяйственные концессии Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти // Экономическая история. Ежегодник. М., 2012. С. 98–148. URL: <http://statehistory.ru/5707/Germanskie-selskokhozyaystvennyye-kontsessii-Severo-Kavkazskogo-kraya-v-pervye-desyatiletiya-sovetskoy-vlasti> (дата обращения 03.12.2018).
8. Schlarp, K. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922-1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft // Zwischen Lubeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. Lunenburg: Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1996. S. 441–476.
9. Pogge von Strandmann, H. Großindustrie und Rapallopolitik. Deutsche-Sowjetische Handelsbeziehungen in der Weimarer Republik // Historische Zeitschrift. Bd. 222, H. 2. 1976. S. 265–341.
10. Schmieder, M. Fremdkörper im Sowjet-Organismus. Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922–1934. Franz Steiner Verlag, 2017. 339 S.
11. Manchester, W. The Arms of Krupp 1587–1968. Boston: Little, Brown, 1968. 942 p.
12. Batty, P. The House of Krupp. New York: Stein & Day, 1967. 341 p.
13. Hurwicz, E. Krupp in Sowjet-Russland // Die Weltbühne. 19/I. S. 411–413.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1084. Оп. 2. Д. 478.
15. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1161.
16. Кушнер, Б. Крупп и Маныч // Новый ЛЕФ: Журнал левого фронта искусств. М.: Госиздат, 1927. № 1. С. 3–12.
17. Linke, H. G. Der Weg nach Rapallo: Strategie und Taktik der deutschen und sowjetischen Außenpolitik // Historische Zeitschrift, Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH. Bd. 264, H. 1. 1997. S. 55–109.
18. Винклер, Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 876 с.
19. Ziedler, M. Reichswehr und Rote Armee 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München: Oldenbourg, 1993. 374 S.
20. Сельскохозяйственная концессия Круппа и общественное мнение за границей // Известия. 1923. № 21.
21. Eine Unterredung mit Dr. Sorge // Vossische Zeitung. 1922. № 580.

22. ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 12.
23. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / сост.: Я.С. Драбкин, Л.Г. Бабиченко, К.К. Шириня. М.: Наука, 1998. 949 с.
24. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 843.
25. ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1777.
26. Krupps Mustergutsanlage in der Wüste // Berliner Tageblatt. 1928. № 473.
27. Иностранные концессии в СССР (1920–1930 гг.): документы и материалы. Серия «Отечественный опыт концессий». Т. II; под ред. проф. М.М. Загоруйко; сост.: М.М. Загоруйко, В.В. Булатов, А.П. Вихрян, О.В. Иншаков, Ю.И. Сизов, Т.В. Царевская-Дякина. М.: Современная экономика и право, 2005. 854 с.
28. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1085.
29. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 931.
30. ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 355.
31. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1005.
32. ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1776.

REFERENCES

1. Batty P. *The House of Krupp*, New York, Stein & Day, 1967, 341 p.
2. Drabkin J.S. *Komintern i ideja mirovoj revoljucii. Dokumenty*, Moscow, Nauka, 1998, 949 p. (in Russian)
3. Eine Unterredung mit Dr. Sorge, *Vossische Zeitung*, 1922, No. 580.
4. Erohina O.V. Germanskie sel'skohozjajstvennye koncessii Severo-Kavkazskogo kraja v pervye desjatiletija sovetskoj vlasti, *Ekonomicheskaja istorija. Ezhegodnik*, Moscow, 2012, pp. 98–148. (in Russian)
5. *Gosudarstvennyi arhiv Rossijskoj Federatsii (GARF)*, F. R-8350, Op. 1, D. 1568. (in Russian)
6. *GARF*, F. R-8350, Op. 1, D. 1776. (in Russian)
7. *GARF*, F. R-8350, Op. 1, D. 1777. (in Russian)
8. *GARF*, F. R-8350, Op. 3, D. 12. (in Russian)
9. *GARF*, F. R-8350, Op. 3, D. 355. (in Russian)
10. Hurwicz E. Krupp in Sowjet-Russland, *Die Weltbühne*, 19/1, S. 411–413.
11. Krupps Mustergutsanlage in der Wüste, *Berliner Tageblatt*, 1928, No. 473.
12. Kushner B. Krupp i Manych, *Novyj LEF: Zhurnal levogo fronta iskusstv*, Moscow, Gosizdat, 1927, No. 1, pp. 3–12. (in Russian)
13. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 54*, Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1975, 864 p. (in Russian).
14. Linke H. G. Der Weg nach Rapallo: Strategie und Taktik der deutschen und sowjetischen Außenpolitik, *Historische Zeitschrift*, Oldenbourg, Wissenschaftsverlag GmbH, Bd. 264, H. 1, 1997, S. 55–109.
15. Manchester W. *The Arms of Krupp 1587–1968*, Boston: Little, Brown, 1968, 942 p.
16. Marin D. A. Rossija i Germanija: opyt ekonomicheskogo sotrudnichestva (Na primere firmy “Friedrich Krupp”), *Ekonomicheskaja istorija Rossii: problemy, poiski, reshenija. Ezhegodnik*, Volgograd, 2004., No. 6, pp. 231–251. (in Russian)
17. Plohotnjuk T.N. Kolonizacionnaja sel'skohozjajstvennaja koncessija akcionernogo obshhestva Fridrih Krupp v Rossii: o prichinah i obstojatelstvah sozdanija, *Mezhdunarodnye otnoshenija XX*

veka v istoricheskikh sudbah stran Evropy i Severnoj Ameriki. Mezhvuzovskij sbornik statej, Pjati-groskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, Pjatigorsk, 2004, No. 1, pp. 89–103. (in Russian)

18. Pogge von Strandmann H. Großindustrie und Rapallopolitik. Deutsche-Sowjetische Handelsbeziehungen in der Weimarer Republik, *Historische Zeitschrift*, Bd. 222, H. 2, 1976, S. 265–341.
19. *Rossiyskiy gosudarstvennyi arhiv ekonomiki (RGAE)*, F. 1084, Op. 2, D. 478. (in Russian)
20. *RGAE*, F. 478, Op. 2, D. 1161. (in Russian)
21. *RGAE*, F. 478, Op. 2, D. 1005. (in Russian)
22. *RGAE*, F. 478, Op. 2, D. 1085. (in Russian)
23. *RGAE*, F. 478, Op. 2, D. 843. (in Russian)
24. *RGAE*, F. 478, Op. 2, D. 931. (in Russian)
25. Schlarp K. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft, *Zwischen Lubeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom fruhen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert*, Lunenburg, Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1996, S. 44–476.
26. Schmieder M, *Fremdkörper im Sowjet-Organismus. Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922-1934*, Franz Steiner Verlag, 2017, 339 p.
27. Selskohozjajstvennaja koncessija Kruppa i obshhestvennoe mnenie za granicej, *Izvestija*, 1923, No. 21. (in Russian)
28. Shreder E. *Velikie promyshlenniki*, Rostov-on-Don: Feniks, 1998, 320 p. (in Russian)
29. Vinkler G.A. *Vejmar 1918–1933: istorija pervoj nemeckoj demokratii*, Moscow, ROSSPEN, 2013, 876 p. (in Russian) (in Russian)
30. Zagorulko M.M. Bulatov V.V. *Narkonzemovskie koncessii: selskoe hozjajstvo i vodnye promysly*, Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo, 2010, 480 p. (in Russian).
31. Zagorulko M.M. *Inostrannye koncessii v SSSR (1920–1930 gg.): dokumenty i materialy*, Moscow: Sovremennaja jekonomika i pravo, 2005, 854 p. (in Russian)
32. Ziedler M. *Reichswehr und Rote Armee 1920–1933: Wege und S tationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit*, München: Oldenbourg, 1993, 374 p.

Блинов Иван Сергеевич, аспирант, кафедра всеобщей истории, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, furorteutonicus12@gmail.com

Blinov I.S., Post-Graduate Student, World History Department, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, furorteutonicus12@gmail.com